

Научная статья  
УДК.323.  
doi: 10.17223/1998863X/86/15

## ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Галина Викторовна Пушкарёва

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,  
pushkarjeva@spa.msu.ru*

**Аннотация.** Поднимается вопрос о методологии политического проектирования как способе конструирования политических объектов. Разработка методологии позволит уточнить место проектирования среди других способов представления будущего. Обращается внимание на то, что трудности разработки методологии связаны со спецификой политических объектов, их intersubjective природой и со сложностями определения предметного поля политического проектирования.

**Ключевые слова:** политическое проектирование, политический проект, методология проектирования

**Для цитирования:** Пушкарёва Г.В. Политическое проектирование: проблемы методологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 171–180. doi: 10.17223/1998863X/86/15

Original article

## POLITICAL DESIGN: METHODOLOGICAL PROBLEMS

Galina V. Pushkareva

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, pushkarjeva@spa.msu.ru*

**Abstract.** Design is considered as a mental construction of a political object, based on scientific knowledge of its structure, properties and ways of interrelating its elements, and mechanisms of its reproduction. Political institutions, political organizations, and political processes can be objects of political design. Such objects are intersubjective by nature, i.e., they exist only in the actions and interactions of people and only because people develop a shared knowledge of the norms and rules of such actions and interactions. Design of such objects should be based not only on knowledge of the structure of the object itself, but also on the mechanisms that motivate people to reproduce the structural elements of the designed object in their actions. Three design methods are distinguished. The first is object-oriented. The designer takes an external position in relation to the object, like, for example, a building designer, and designs it entirely, based on scientific knowledge of its structure, properties, and mechanisms of operation. This design method is possible only where a new object is supposed to be created. The second – problem-oriented – is used where the task arises of searching for more perfect forms of development of existing institutions and organizations, their adaptation to new realities. In this case, the design is preceded by the stage of identifying problems that create difficulties in the functioning and development of a political object, and the purpose of the design is to construct a normative order that prevents the emergence of destructive phenomena. The third is subject-oriented. It is based on the understanding that a change in the normative order is possible not only “from above” but also “from below”, when new rules are created by citizens interacting to solve certain problems. In subject-oriented design, the design of a new object is carried out in the course of interaction that ensures the achievement of consensus regarding the normative order

constituting a political neoplasm. It is concluded that design in politics is more sporadic than systemic, and is based on an intuitive vision of ways to achieve political goals rather than a scientifically based methodology for constructing a political innovation. The difficulties of developing a methodology for political design are primarily related to the difficulties of defining the subject field of design.

**Keywords:** political design, political project, design methodology

**For citation:** Pushkareva, G.V. (2025) Political design: methodological problems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 171–180. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/15

Проблематика политического проектирования многогранна. Одни ученые видят в ней пространство поиска ценностно значимых образов будущего и разработки проектов, способных изменить мир к лучшему. Это пространство уже наполнено созданными в разное время моделями идеального государства и общества, и здесь продолжаются споры об успешности коммунистического [1], либерального [2, 3] проектов, особенностях неолиберального проекта [4], поднимается вопрос о специфике демократических [5] и преимуществах тех или иных цивилизационных проектов [6]. Разнообразие конструируемых образов будущего дает основание некоторым авторам говорить о превращении политики в пространство противостояния проектов как стратегического видения перспективы общественного развития [7. С. 10].

Для других ученых политическое проектирование представляет собой прежде всего пространство формулирования научно обоснованных суждений о способах конструирования будущего [8]. Они предлагают оставить создание идеальных моделей философам и политикам и сосредоточиться на определении предметного поля проектирования (что надо спроектировать, чтобы достичь желаемой цели). В рамках такого подхода дискуссия перемещается из ценностной плоскости (чей проект лучше) в методологическую (как сделать проектируемый объект жизнеспособным).

Если разговор о желаемых образах будущего ведется давно, то разработка методологии политического проектирования только начинается. Такое запаздывание связано прежде всего с присущей многим уверенностью, что главными в политике являются власть, ресурсы и политическая воля, и именно их наличие может обеспечить внедрение любой политической новации, лишь бы она была привлекательна для выбравшей ее политической силы. Однако при таком подходе проектирование подменяется формулированием ценностных принципов, целей, стратегий, желаемых результатов [9, 10], что, на наш взгляд, ведет к выхолащиванию сути проектной деятельности.

В данной статье ставится вопрос о методологии политического проектирования как системе научно обоснованных знаний о способах конструирования политических объектов. Новизна постановки вопроса заключается в перенесении акцента с описания желаемых образов будущего на определение специфики предметного поля проектирования.

В научной литературе можно увидеть два подхода к решению этой задачи. В основе первого, энвайронменталистского, лежит понимание того, что политическая активность предопределяется условиями внешней среды. Сторонники этого подхода под политическим проектированием (political design) понимают создание пространства, удобного для гражданской активности, обращая главным образом внимание на предметную инфраструктуру этого

пространства [11, 12]. Второй подход складывается по мере осознания роли институтов в политической жизни общества и возможностей их целенаправленного конструирования. В настоящее время институциональное проектирование (*institutional design*) охватывает широкий круг вопросов, связанных главным образом с описанием сложившейся конфигурации политических институтов [13, 14, 15] и способов их модернизации как «целенаправленной попытки изменить набор правил» [16. Р. 149].

При определении специфики методологии политического проектирования мы будем опираться на теоретико-методологические принципы социального конструктивизма и структурализма. Такой подход позволит, во-первых, обратить внимание на интересубъективную природу политических объектов, задающую особый алгоритм проектирования, отличный от тех, которые используются в сфере проектирования материальных объектов и технических систем; во-вторых, перейти от общего понимания политического проектирования как формулирования научно обоснованных суждений о будущем к разработке предметного поля проектирования на основе четкого понимания структуры и механизмов функционирования проектируемых объектов; в третьих, преодолеть ограничения ценностного подхода, фактически ставящего вопрос об успешности имплементации политического проекта в зависимости от политической воли и наличия ресурсов, прежде всего властных.

\* \* \*

Прежде чем говорить о методологии политического проектирования, необходимо определить его место среди других способов представления будущего, таких как определение целей и ценностных ориентиров развития, конструирование желаемых образов, разработка стратегий, планирование, прогнозирование и т.д. Проектирование появляется в сфере материального производства, когда происходит разделение труда между заказчиком, создателем проекта и тем, кто будет задуманное воплощать в жизнь. Заказчик формулировал общие требования к объекту, проектировщик разрабатывал его конструкцию, воплощая свое видение в проектной документации, на основе которой исполнитель создавал сам объект. Таким образом, проектирование возникает как особый вид деятельности, нацеленный на детальное конструирование прообраза будущего объекта, требующий особых профессиональных знаний и опирающийся на ряд методологических принципов

За пределы технических наук проектирование выходит на волне позитивизма и постпозитивизма, постулировавших существование единых принципов научного знания и способов преобразования действительности. Выделению политического проектирования способствовало также развитие политической науки, закрепившей за собой право на интерпретацию специфики политических феноменов и их всестороннее исследование. Именно политические феномены, обладающие собственными границами, свойствами целостности и устойчивости, способностью к самовоспроизводству (отношения, институты, организации, процессы, события и др.), стали рассматриваться как возможные объекты проектирования, а содержание проектной деятельности – определяться как разработка документов «по созданию новых либо изменению уже существующих объектов в политической сфере и/или связей, отношений между ними в соответствии с поставленными политическими целями» [17. С. 12]. Политическое проектирование в меньшей степени

стало сводиться к формулированию замысла и некоторых ценностных принципов, а все больше становилось похожим на кропотливую работу инженера-конструктора, в деталях прописывающего конфигурацию будущего агрегата, который по его чертежам будут создавать машиностроители.

Несмотря на понимание присущих любой проектной деятельности общих черт, было очевидно, что прямой перенос идей проектирования, сформулированных в технических науках, в политическую сферу недопустим [8. С. 7]. Слишком специфичными являются объекты политического проектирования. В отличие от материальных объектов они intersubъективны по своей природе, они существуют только в действиях и взаимодействиях людей и лишь потому, что у людей формируется совместно разделяемое знание о нормах и правилах таких действий и взаимодействий. Проектирование таких объектов должно опираться не только на знание структуры самого объекта, но и механизмов, побуждающих людей воспроизводить в своих действиях структурные элементы проектируемого объекта.

Это свойство политических объектов привело к появлению внешнего и внутреннего политического проектирования. В первом случае проектировщики вначале создают прообраз объекта, описывают его в специальных документах, а затем на основе подготовленного проекта осуществляется его имплементация, создание и внедрение в ткань политической реальности. Во втором случае конструирование политического объекта осуществляется при непосредственном участии тех, кто своими действиями должен воспроизводить, обеспечивать функционирование проектируемого объекта. Внешнее проектирование представлено объектно ориентированным и проблемно ориентированным подходами, а внутренне – субъектно ориентированным.

Объектно ориентированное проектирование нацелено на конструирование целостного объекта, будь то политический институт, политическая партия или общественно-политическая организация, процесс принятия политического решения или политическая кампания. В его основе лежит представление, что политические объекты обладают определенной автономией, их можно вычлени́ть из общей системы отношений. Проектировщик занимает внешнюю позицию по отношению к объекту, как, к примеру, проектировщик здания, и конструирует его целиком, опираясь на научные знания о его структуре, свойствах, механизмах функционирования.

В объектно ориентированном проектировании присутствует дедуктивная логика: вначале формируется общий образ объекта в виде набора желаемых качеств, которыми он должен обладать, а затем осуществляется моделирование его структуры и механизмов. Вторая часть работы и является собственно политическим проектированием, созданием научно обоснованной модели, формирующей четкое представление о том, что и почему надо создавать. Такой способ проектирования возможен только там, где предполагается создание нового объекта, например, где полностью разрушается предыдущая политическая система и создается новая, где принимается решение о создании нового институционального образования или политической организации, где инициируется политическая кампания и т.п.

Проблемно ориентированное проектирование используется там, где встает задача поиска более совершенных форм развития действующих институтов и организаций, их адаптации к новым реалиям. В рамках этого подхода

исходной точкой становится не определение желаемых свойств объекта, а выявление комплекса проблем, создающих трудности в его функционировании и развитии, препятствующих выполнению им общественно значимых функций. Акцент, таким образом, переносится на поиск факторов, порождающих дисфункциональные явления, с последующим описанием тех конкретных изменений, которые необходимо осуществить, чтобы обеспечить достижение конкретного результата.

В логике проблемно-ориентированного проектирования разворачивалась, к примеру, реформа государственной службы в нашей стране. Поставленная политическим руководством страны задача создания эффективного государственного аппарата экспертным сообществом решалась не только путем определения необходимых ценностных ориентиров, но и через выявление проблем, препятствующих их достижению<sup>1</sup>. Институциональный дизайн государственной службы подвергался корректировке по мере появления новых вызовов и осознания необходимости найти способы решения вновь возникающих проблем.

Сам факт того, что проблемно ориентированное проектирование нацелено на модернизацию существующего, на своеобразные «ремонтные работы» в действующем политическом объекте, не означает сужения предметного поля проектирования, сведения его к моделированию изменений в проблемном узле. Любые частичные изменения успешны только в том случае, если у проектировщиков существует четкое представление о системных свойствах объекта в целом и понимание последствий отдельных структурных новаций для данной целостности.

Оба названных способа проектирования похожи на проектирование материальных объектов. Хотя образ и рождается в голове проектировщика, но сам объект для него является внешним, как здание, которое проектирует архитектор, но строить и жить в нем будут другие люди. Проектировщик как бы со стороны смотрит на объект, он выбирает нужную конструкцию, прорисовывает структурные элементы и способы их соединения, обосновывает необходимость использования компонентов, обладающих определенными свойствами, определяет факторы устойчивости всей конструкции, допустимые отклонения и риски.

Поскольку главной особенностью любого объекта политического проектирования является то, что он существует только в действиях и взаимодействиях людей, то и смысл проектной работы в этом случае сводится к поиску объективных ограничителей политического поведения, введение которых позволит придать проектируемому объекту нужную форму, побудит людей воспроизводить заданные отношения и взаимосвязи. Мотивация политического поведения имеет сложную структуру, но есть в ней то, что активно используется в проектировании политических объектов, – нормативная регуляция. В процессе социализации у человека формируется понимание значимости норм и правил, а в обществе складываются механизмы санкций, как в виде социального контроля, так и легитимного принуждения. В этой связи проектирование нормативного порядка становится самым востребован-

---

<sup>1</sup> См.: Концепция реформирования системы государственной службы РФ (утв. Президентом РФ от 15 августа 2001 г.); Федеральная программа «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 гг.)» (утв. Указом Президента РФ от 19 ноября 2002 г.).

ным способом конструирования политических нововведений. Например, по мере возникновения в избирательном процессе явлений, препятствующих свободному волеизъявлению граждан, проектируются дополнительные нормативные ограничения, пресекающие нарушения такого рода.

Искусство проектирования заключается не в том, чтобы «придумать» соответствующий заданным политическим целям нормативный порядок, а в том, чтобы свести к минимуму фактор внешнего давления. Введение новых нормативных требований неизбежно наталкивается на сопротивление людей, привыкших к ранее сложившимся моделям взаимодействий, следовательно, в проект должны закладываться решения, обеспечивающие повышение восприимчивости граждан к нововведению, формирование у них понимания важности изменений и осознания необходимости следовать устанавливаемым нормам. Наряду с использованием санкций, как негативных, так и позитивных, важным является создание фасилитирующих каналов, т.е. способов взаимодействия, облегчающих переход к новой модели поведения, а также включение в проект механизмов ценностной регуляции и технологий убеждения.

Профессионализм проектировщиков определяется их способностью решать указанные задачи. Попытки восполнить недостаток профессионализма статусным ресурсом власти чреваты двумя вариантами развития событий. Первый – когда вводимый «сверху» нормативный порядок наталкивается на сопротивление, либо открытое, ведущее к протестным акциям, либо скрытое, когда люди, несмотря на введение новых норм и правил, продолжают придерживаться ранее выработанных моделей поведения. В итоге нововведение не реализуется или реализуется не в полном объеме. Второй вариант – эффект отсроченного разочарования – развивается в случае, когда у инициаторов нововведения оказывается достаточно ресурсов для того, чтобы заставить людей принять на первых порах новые правила поведения. Однако реализация проекта, не получившего должного научного обоснования, рано или поздно дает сбой, потому что невыявленные и неучтенные объективные механизмы и тенденции проявляются со всей неизбежностью при малейшем ослаблении силового давления, и тогда, казалось бы, успешная новация начнет рушиться. Установленный нормативный порядок подвергается оспариванию, растет разочарование, а нарастающие депривационные настроения дают толчок к действиям, способным разрушить не только само нововведение, но и дестабилизировать политическую ситуацию в целом.

Субъектно ориентированный подход к проектированию возникает на принципиально ином методологическом фундаменте. В его основе лежит, с одной стороны, убежденность, что конструирование социальной и политической реальности обеспечивается прежде всего за счет создания нормативных порядков, делающих устойчивыми и независимыми от отдельного человека соответствующие виды взаимодействий, а с другой – понимание того, что изменение нормативного порядка возможно не только «сверху», в результате управленческого воздействия, опирающегося на статусные ресурсы власти, но и «снизу», когда новые правила создаются гражданами, вступающими во взаимодействия для решения определенных задач. В таких взаимодействиях происходит согласование индивидуальных представлений о способах решения возникающих проблем, вырабатываются общие, разделяемые всеми пра-

вила, возникают договоренности о процедурах. Иными словами, складывается нормативный порядок, апробированный в реальных политических практиках, а не введенный некой внешней силой. Такой порядок обладает естественной легитимностью, он принимается участниками взаимодействий, поскольку создан ими самими, можно сказать выстрадан в процессе совместных размышлений.

В субъектно ориентированном проектировании имеет место совместное творчество, согласование позиций, взаимное убеждение, т.е. конструирование нового объекта осуществляется в ходе взаимодействия, обеспечивающего достижение консенсуса относительно нормативного порядка, конституирующего политическое новообразование. Задача проектировщика состоит в инициировании и управлении процессом совместного конструирования политического объекта.

В настоящее время совместное проектирование описывается с помощью терминов «краудсорсинг» и «форсайт». Проектный краудсорсинг – это создание политической новации совместными усилиями инициаторов новации и тех, кто будет ее воплощать в жизнь. Краудсорсинг предполагает, что вовлеченные люди понимают смысл поставленной задачи, что у них есть заинтересованность в ее решении и готовность активно участвовать в процессе выработки норм и правил политических взаимодействий.

Примером политического краудсорсинга считается процесс обсуждения и принятия конституции в Исландии в 2011 г., когда любой гражданин страны мог с помощью специально созданных электронных сервисов высказать свои предложения/замечания по тексту этого нормативного документа. В итоге, как отмечает И.В. Мирошниченко, «краудсорсинговый проект конституции позволил решить в Исландии две политические проблемы: с одной стороны, государственная власть разделила политические риски от разработки и принятия нового конституционного проекта с гражданской общественностью, которая приняла участие в написании правил собственного бытия; с другой стороны, увеличила долю лояльного к своей деятельности населения, поскольку большинство граждан осознало, что их мнение значимо» [18. С. 215].

Понятием форсайт обозначают особый формат коммуникации, иницируемый для определения желаемого образа будущего и стратегий его достижения. Его особенностью является вовлечение в обсуждение, как представителей экспертного сообщества, так и тех, кто будет создавать это будущее. По глубине проработки образа будущего выделяют быстрый и фундаментальный форсайт. В первом случае конструирование образа осуществляется в ходе одной-двух сессий обсуждения, во втором – этот процесс отличается привлечением большего числа участников и растягивается на несколько этапов.

Главное преимущество субъектно ориентированного проектирования заключается в том, что конструирование образа будущего осуществляется при участии заинтересованных сторон, у которых в ходе взаимодействия формируются совместно разделяемые представления о целях создаваемой политической новации и конституирующем ее нормативном порядке. Люди, прошедшие через процедуры субъектно ориентированного проектирования, оказываются готовыми к принятию новых норм и правил, что существенным образом облегчает имплементацию нововведения.

Однако применение этого способа проектирования требует наличия ряда важных условий. Во-первых, в обществе должен сложиться консенсус в отношении базовых политических ценностей, позволяющий гражданам вырабатывать согласие по поводу стратегических целей. Вовлечение в обсуждение образа будущего (политической системы, института, организации и т.д.) людей, придерживающихся разных политических взглядов, чревато длительными бесплодными дискуссиями, где каждый будет слышать только своих единомышленников. Поскольку круг единомышленников проще сформировать вокруг решения задач, связанных с созданием партии, общественно-политического движения, то поле применения субъектно-ориентированного проектирования ограничивается именно такими структурами. Во-вторых, вовлеченность в проектирование того или иного политического объекта должна быть достаточно глубокой. Граждане должны активно участвовать в разработке соответствующего проекта, они должны прочувствовать его смысл, выстрадать его содержание. Только в этом случае у них сформируется понимание его целесообразности и необходимости следовать устанавливаемым нормам.

\* \* \*

Вопросы методологии в проблемном поле политического проектирования остаются на периферии научного дискурса. Это связано, во-первых, с тем, что современная политическая наука может лишь частично удовлетворить запрос на знания, необходимые для детального проектирования политических объектов и процессов. В итоге процесс проектирования превращается в решение задачи с большим количеством неизвестных, а сами проекты наполняются общими суждениями, прикрывающими лакуны недостающего знания. Неудовлетворенность в такого рода проектах рождает и сомнения в возможности создания научно обоснованной методологии проектирования. Во-вторых, тщетность усилий по разработке методологии подпитывается убежденностью, что в политике все решается людьми, обладающими властными ресурсами, способными в свою пользу разворачивать любое политическое начинание: зачем тратить интеллектуальные ресурсы на работу, результаты которой все равно будут подстроены под интересы политических сил. В-третьих, политика является пространством столкновения различных ценностных систем, и идеологические предпочтения не могут не пронизывать политические проекты. Там, где на передний план выходят ценности в виде представлений о желаемом будущем, методологии проектирования неизбежно отводится второстепенная роль. Усилия направляются на обеспечение соответствия проектируемого объекта некоему идеальному образу, а методология проектирования превращается в сиюминутный инструмент, создаваемый под решение конкретной задачи.

Вместе с тем запрос на методологию политического проектирования формируется. Приходит понимание, что успешность политических новаций во многом зависит от способности их создателей понимать специфику политических объектов и конструировать их свойства на основе научного знания, а также от умений моделировать их структуру и механизмы функционирования. Выделенные в статье способы внешнего и внутреннего проектирования указывают на два возможных подхода к разработке методологии политического проектирования. Если в первом случае акцент делается на способах

конструирования детальной модели проектируемого объекта, то во втором — на способах организации взаимодействия участников проектной деятельности, заинтересованных в создании политической новации.

### Список источников

1. Гранин Ю.Д. Темпоральность коммунистического проекта Маркса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 191–204.
2. Прозорова Ю.А. Рецепция западного либерального проекта и опыт постсоветской модерности в России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 3 (137). С. 235–255.
3. Матюхин А.В. Современный российский либерализм: конец проекта? // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1, № 3. С. 149–162.
4. Harvey D. Neoliberalism is a political project // Jacobin magazine. 2016. № 26. P. 1–12.
5. Graeber D. The democracy project: A history, a crisis, a movement. Random House, 2013.
6. Горбачев М.В. Цивилизационные проекты в современной мировой политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 5. С. 75–87.
7. Митрохина Т.Н. Функциональность политических проектов: технологии VS идеологии? // Власть. 2014. № 10. С. 5–13.
8. Грачев М.Н. «Политическое проектирование» и «политический проект»: концептуализация понятий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 3 С. 117–119.
9. Ежов Д.А. Политическое проектирование как способ разработки государственной политики // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 288–299.
10. Митрохина Т.Н. Проектирование политики: объяснительные возможности концепта «политический проект» // Власть. 2015. № 9. С. 39–46.
11. Markussen T. The disruptive aesthetics of design activism: enacting design between art and politics // Design Issues. 2013. № 29 (1). P. 38–50.
12. Hopkins D.J., Williamson T. Inactive by design? Neighborhood design and political participation // Political behavior. 2012. № 34. P. 79–101.
13. *The Theory of Institutional Design* / ed. R.E. Goodin. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
14. Johnson T. Institutional design and bureaucrats' impact on political control // The Journal of Politics. 2013. № 75 (1). P. 183–197.
15. Скобелина Н.А. Онтология институционального дизайна современных общественных движений // Онтология проектирования. 2024. Т. 14, № 2 (52). С. 196–204.
16. Klijn E.H., Koppenjan J. Institutional Design // Public Management Review. 2006. № 8. P. 141–160.
17. Грачев М.Н. Введение // Политическое проектирование: глобальное, национальное, региональное измерения / под ред. М.Н. Грачева, Н.А. Борисова. М. : Мир философии, 2016. С. 5–20.
18. Мирошниченко И.В. Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8, № 3 С. 208–220.

### References

1. Granin, Yu.D. (2018) Temporal'nost' kommunisticheskogo proekta Marksa [Temporality of Marx's Communist Project]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. 1. pp. 191–204.
2. Prozorova, Yu.A. (2021) Retsepsiya zapadnogo liberal'nogo proekta i opyt postsovetsoy modernosti v Rossii [Reception of the Western liberal project and the experience of post-Soviet modernity in Russia]. *Neprikosnovennyi zas. Debaty o politike i kul'ture*. 3(137). pp. 235–255.
3. Matyukhin, A.V. (2017) Sovremennyy rossiyskiy liberalizm: konets proyekta? [Contemporary Russian Liberalism: The End of the Project?]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. 1-3. pp. 149–162.
4. Harvey, D. (2016) Neoliberalism is a political project. *Jacobin Magazine*. 26. pp. 1–12.
5. Graeber, D. (2013) *The Democracy Project: A History, a Crisis, a Movement*. Random House.
6. Gorbachev, M.V. (2016) Tsivilizatsionnye proekty v sovremennoy mirovoy politike [Civilization projects in modern world politics]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 11-5. pp. 75–87.

7. Mitrokhina, T.N. (2014) Funktsional'nost' politicheskikh projektov: tekhnologii VS ideologii? [Functionality of political projects: Technologies vs. ideologies?]. *Vlast'*. 10. pp. 5–13.
8. Grachev, M.N. (2013) "Politicheskoe proektirovanie" i "politicheskiy proekt": kontseptualizatsiya ponyatiy ["Political design" and "political project": conceptualization of terms]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 3. pp. 117–119.
9. Ezhov, D.A. (2012) Politicheskoe proektirovanie kak sposob razrabotki gosudarstvennoy politiki [Political design as a way of developing state policy]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 5, pp. 288–299.
10. Mitrokhina, T.N. (2015) Proektirovanie politiki: ob"yasnitel'nye vozmozhnosti kontsepta "politicheskiy proekt" [Policy Design: Explanatory Potential of the "Political Project" Concept]. *Vlast'*. 9, pp. 39–46.
11. Markussen, T. (2013). The disruptive aesthetics of design activism: enacting design between art and politics. *Design Issues*. 29(1). pp. 38–50.
12. Hopkins, D.J. & Williamson, T. (2012) Inactive by design? Neighborhood design and political participation. *Political Behavior*. 34. pp. 79–101.
13. Goodin, R.E. (ed.) (1996) *The Theory of Institutional Design*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Johnson, T. (2013) Institutional design and bureaucrats' impact on political control. *The Journal of Politics*. 75(1). pp. 183–197.
15. Skobelina, N.A. (2024) Ontologiya institutsional'nogo dizayna sovremennykh obshchestvennykh dvizheniy [Ontology of institutional design of modern social movements]. *Ontologiya proektirovaniya*. 14(2). pp. 196–204.
16. Klijn, E.H. & Koppenjan, J. (2006) Institutional Design. *Public Management Review*. 8. pp. 141–160.
17. Grachev, M.N. (2016) Vvedenie [Introduction]. In: Grachev, M.N. & Borisov, N.A. (eds) *Politicheskoe proektirovanie: global'noe, natsional'noe, regional'noe izmereniya* [Political Design: Global, National, Regional Dimensions]. Moscow: Mir filosofii. pp. 5–20.
18. Miroshnichenko, I.V. (2012) Kraudsorsingovaya deyatel'nost' v publichnoy politike: novye vozmozhnosti grazhdanskogo obshchestva [Crowdsourcing activities in public policy: New opportunities for civil society]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 8-3, pp. 208–220.

**Сведения об авторе:**

**Пушкарёва Г.В.** – профессор, доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: pushkarjeva@spa.msu.ru

*Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.*

**Information about the author:**

**Pushkareva G.V.** – Dr. Sci. (Political Science), full professor, professor at the Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: pushkarjeva@spa.msu.ru

*The author declares no conflicts of interests.*

*Статья поступила в редакцию 01.11.2024;  
одобрена после рецензирования 18.07.2025; принята к публикации 07.08.2025  
The article was submitted 01.11.2024;  
approved after reviewing 18.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*